

елизавета
ГОЛИКОВА

Она бредила, это точно, ВОПРОС БЫЛ В ТОМ, ОСОЗНАННЫЙ ЛИ ЭТО БРЕД

ВОТ УЖЕ НЕДЕЛЯ, как мы болеем. Мы целыми днями сидим дома, читаем книжки и смотрим в окно. Раньше смотреть в окно было совсем неинтересно, потому что мы жили за городом, где за окном — лес, соседский дом и, если повезет, один раз за целый час пролетит птица, а в лучшем случае — самолет. В московское окно смотреть значительно интереснее.

— Вон моя внучка идет, — сказала на днях Варя, показывая на девочку в зеленом пальтишке, которой на вид было не меньше семи лет.

— Ее зовут Ниночка. И, конечно, она еще совсем маленькая, но, когда она подрастет, придет ко мне в гости и придется накормить ее супом. И она, конечно, откажется, потому что она ничего не ест, и придется хорошенько ее поугуговаривать, чтобы она все-таки поела. Она худеет без меня. Баловница такая. Не внучка, а баловница. Самая настоящая модница.

— А сколько твоей внучке лет? — я старалась сдерживать смех.

— Два. Ей два. Вот таких, — Варя распрямила пальцы — указательный и средний. — Так что, мам, она маленькая и говорит только «даб-баб-даб». Но я ее не слушаю, я просто гляжу на нее. Потому что она моя любимая.

— Так что же получается, ты уже бабушка?

— Ну почему же сразу бабушка? — обиделась дочь. — У меня просто есть внучка, и я ее бабушка. А не «уже бабушка». Понимаешь, мам? А еще у меня есть дочка, ее зовут Таня. Она все время на работе, а внучка — со мной.

Я измерила ей температуру. Вдруг она бредит? Она бредила, это точно, вопрос был в том, осознанный ли это бред. На градуснике было 38,8. Мало-мало для трехлетней бабушки.

На следующий день Варя все то же самое рассказала по телефону своей бабушке. Потом — папе. Потом — пришедшему к нам врачу.

Через пару дней Варя увидела в окне свадебный кортеж — длинный белый Cadillac на ее глазах забрал из подъезда напротив пышно одетую невесту.

— Мама, посмотри! Невеста! Это — моя невеста. Я за нее замуж выйду, а потом у нас будет внучка Ниночка, — сказала Варя.

С этого дня девочке прописали антибиототики.

Просто так совпало, что Варя в данный момент очень интересуется тем, как называются родственники. Ее очень тревожит вопрос, почему я называю ее бабушку мамой. Почему моя мама называет меня по имени, ведь я — это мама? Кто такая внучка и чем она отличается от дочки и сына? Отчего наш папа дома называется Митя, а везде — Дима? Все это интересует Варю до крайней степени, и она задает эти вопросы при каждом удобном и не очень удобном случае. Поэтому она видела в окне все то, что ее очень сейчас интересовало.

Так получилось, что мы проводили возле окна по несколько часов в день. Дело в том, что в нашей новой съемной квартире подоконник считается кухонным столом, оттого получается, что смотреть в окно приходится каждый раз во время еды, занятий, чтения книг, ингаляционных процедур и работы за компьютером.

И окно постепенно изменяло детский мир, который все предыдущее время формировался под нашим контролем. Чтение книг теперь больше не было таким, как раньше. Смотреть в окно оказалось для детей значи-

тельно интереснее, чем разглядывать книжные картинки и слушать текст. То, что происходило за окном, чем-то напоминало немое кино, и оттого им, может, было так интересно. Они могли додумывать все то, что происходило за стеклом, никто не навязывал им имена и сюжеты. Все это стало для меня таким ясным после того, что произошло в один из этих дней.

Федя остался возле окна один. Я дала Варю по списку лекарства и была на этом сосредоточена. Няня была отправлена в аптеку с очередным рецептурным списком от врача.

— Вот приехала скорая помощь, — начал Федя, — Кто-то заболел.

Действительно, к дому напротив подъехала машина детской реанимации.

— Заболел мальчик Петя, мой маленький друг. Мама долго-долго его лечила, искала по всему городу мед — теплый, липовый. Поила его горячим чаем с медом. Но он все кашлял и никак не мог выздороветь. К нему даже приходил большой дракон, дышал огнем и рассказывал сказки. Но Петя все равно не выздоровел. Ничего ему не помогало. И тогда маме пришлось вызвать скорую помощь. Сейчас врачи заберут больного мальчика в больницу. Будут долго-долго лечить. Я пойду к нему домой, возьму самую любимую его книжку и отвезу ему. Буду читать сказки, пока он не выздоровеет. Потом мы все вместе приедем на скорой помощи обратно домой.

На следующий день утром Федя увидел в окно женщину в длинном пальто, которая выгуливала сразу двух такс.

— А вот — старуха Шапокляк. Она гуляет с собаками, а сейчас идет в гости к крокодилу Гене, — Федя, судя по

всему, был абсолютно уверен в том, о чем говорил. — Потом они все вместе пойдут играть. Им встретится Чебурашка, и они спяют снежную бабу. С красным носом. Конечно, после того, как выпадет снег.

В какой-то момент мне начало казаться, что окно действительно может заменить им мир — книг, мультфильмов, рисунков и всего того, что мы с таким трудом пытались выстроить последние несколько месяцев. Все эти занятия, педагоги, походы в театр и цирк, посещение музеев. Зачем им все это теперь, ведь есть окно?

Как все оказалось просто.

— Дорогие мои, нам пора спать, — обычно, стоило мне это сказать, дети, взяв меня за руку, шли в спальню.

— Мам, посмотри, какая тут машина!!! Это мусоровоз, сейчас он заберет весь мусор и маленького мышонка Сему. Он потеряется, потому что его увезут далеко-далеко, — искренне переживал Федя.

— А потом он повстречает кого-то очень смелого, — фантазировала Варя. — И они вместе найдут дорогу домой. Когда они вернутся, мы угостим их тортом.

Врач, которая приходила к нам вчера, констатировала, что болеть нам осталось недолго.

— Феде гораздо лучше, со следующей недели ему уже можно будет гулять. А вот Варю на улицу пока рано, — врач взглянула на девочку.

Варя ни капельки не расстроилась.

— Федя пойдет гулять, а я посмотрю на него в окно, — рассудила она.

На такое Федя оказался не согласен:

— И я посмотрю в окно. Так интересней.